

Юлия Басова

Запретный райский сад

Ему всегда нравилось слушать, как Лола рассказывает. Всегда увлечённая, с бесшим огоньком в карих искристых глазах, с улыбающимся, подвижным ртом, который так и тянет закрыть поцелуем. Таким поцелуем, чтобы он сразу резко перетёк в секс. Неважно, где – в машине, на улице, дома, лишь бы у него была возможность делать с ней всё, что он захочет. А хотел он много – сколько разных фантазий клубилось у него в разгорячённой голове по ночам, когда он думал о ней. Сколько раз он корчился в сладких судорогах, доведя сам себя до безумия, представляя себе их исступлённое соитие.

-Я сказала ему, чтобы он больше ко мне не лез, но этот козёл не понимает, - игриво жаловалась девушка, зябко пожимая округлым плечиком, с которого вдруг легко, как бы невзначай, соскальзывала бретелька кружевного бюстгалтера, - Кир, может, ты с ним разберёшься? А то нет от него покоя ни в универе, ни дома – вон, уже телефон оборвал звонками своими.

Мысль о приставучем «козле» заставляла Кирилла звереть. Его и без того воспалённая фантазия рисовала в сознании картины жестокой расправы над соперником, путём полного и безжалостного уничтожения одного. Хотя, если задуматься, что толку от его злости? Ведь шансы на её взаимность есть у каждого, кроме него. Любой урод может трахать её, а он – нет. Ну, почему всё так получилось, почему?

-Я его урою, - сжав зубы, обещал он, стараясь отвести от Лолы свой взбудораженный взгляд.

-А у нас новый препод по гражданскому праву, - моментально соскакивая с предыдущей темы, тараторила она, - молодой, только после аспирантуры....

И снова звенящий, нежный смех, радужная улыбка, играющая на пухлых губах, и снова как бы невзначай касалась она себя, ласкала, любила... Поглаживала, теребила выбившуюся из утренней причёски прядь вьющихся волос. Как бы ему хотелось освободить её локоны из этого утончённо-небрежного пучка, намотать себе на руку, и притянуть к себе. Заставить её делать всё, что он пожелает, опустить на колени и расстегнуть ширинку прямо перед её изумлённым лицом. И она увидела бы, поняла, что у него в штанах происходит, когда она вот так смеётся и рассказывает свои незамысловатые истории. А потом он бы ей вдул – без прелюдий, без объяснений, чтобы ей было больно, чтобы она орала. Вдул бы по самые гланды, корчась и извиваясь на ней, не думая о том, что она подумает или почувствует...

А после этого даже умереть не страшно. И умереть-то, наверняка, придётся - не оставил бы его при таком раскладе в живых Лолин батя, глотку бы перегрыз, как пить дать... Так и не смогли они с Кириллом найти общий язык за столько лет. Может, всегда понимал, что с парнем творится? Сам молодой был, поди...

Замечает, что при виде его дочки ненаглядной у Кирилла скулы сводит от желания, а всепоглощающая нежность борется со слепой, яростной, почти садисткой потребностью обладать ею безраздельно, целиком.

-Пореже бы он к нам сейчас таскался, - сказал пару лет назад Лолин отец своей жене, а Кирилл подслушал этот кухонный диалог, - ну, не маленький ведь уже... Да и Лола чудит, возраст, видать, у неё такой. Не понимает, что творит...

-С ума сошёл? - возмутилась та, - он ещё совсем ребёнок. И так, из дома ушёл рано... Ему семья нужна, понимаешь? Семья. Нормальная, полноценная семья, которую никакая квартира и никакие деньги не заменят...

-Ох, Наташа, пореже бы ему у нас бывать, - со вздохом повторил Лолин отец, - всё ты понимаешь...

После такого, Кирилл бегом бросился в зал при университетском спортивном комплексе и целый час утрамбовывал боксёрскую грушу своими громадными кулаками. Он почти снёс её с металлической массивной цепи, и лишь когда почувствовал во рту солоноватый металлический привкус крови, смог остановиться.

Сука, этот мудила будет ему ещё указывать, когда приходит к ним в дом, посмотреть на Лолу!!! Да он ещё подростком понял, что хочет всё решать сам, быть кем то, и тогда ОНА заметит его, захочет выслушать, а не подтрунивать над ним, как это было всё их детство. Кирилл даже одно время хотел отправиться служить в горячую точку, но его мать тогда проявила неслыханную стойкость и сына удержала.

Когда он осознал, что думает лишь о Лоле? Наверное, лет в четырнадцать, когда у неё, двенадцатилетней воображалы, появились первые признаки будущей женщины - стала набухать грудь, уже не помещающаяся в безыскусные детские маечки, начал меняться голос, а в поведении нарисовалась кокетливая, женская манерность. Она рано принялась взрослеть, гораздо скорее, чем Кирилл. Представители противоположного пола уже в одиннадцать стали вызывать Лолин живой интерес, а уже через пару лет один из них исхитрился выдернуть юную нимфу из плотного кольца разновозрастных ухажёров и, затащив к себе, домой, в отсутствие родителей, лишить невинности.

Кирилл в подробностях помнил тот вечер, когда она ему всё выболтала - так сказать, поделилась впечатлениями. Он всегда был у неё доверенным лицом, вроде подружки, поскольку девчонки с ней не очень-то охотно сближались. Им

невыгодно это было, потому что в любой компании всё внимание парней было приковано лишь к Лоле. А они чувствовали себя на её фоне зачуханными уродками – кому подобное могло понравиться?

-Забавно так, - смеялась в тот вечер Лола, рассказывая Кириллу про свой первый сексуальный опыт, - я ему сразу твёрдо сказала: «Только с резинкой!», а он, хитренький такой, главное тычет в меня и шепчет: «Сейчас, подожди, успею ещё. Давай сначала так». А я не дала! Вывернулась, и потребовала сначала, чтобы он презик надел. А он, по-моему, не очень умеет, два часа натягивал, вспотел весь... И, знаешь, почти не больно было...

Она что-то ещё болтала, смеялась, задевала Кирилла своей хорошенькой коленкой, а он, попеременно, то загорался от желания схватить Лолу, то тряся от слепой ярости. Последнее тогда победило. Он выскочил из её комнаты, не дослушав всех чарующих подробностей этого сакрального рассказа, и побежал вылавливать Володьку Смирнова из 11 «Б». Именно этому конопатому верзиле удалось стать «тем самым первым», которого не забывает ни одна женщина и о роли которого в её жизни мечтает каждый, без исключения, влюблённый мужчина.

Кирилл уже тогда активно занимался боксом, и лишить рыжего Лолиного ухажёра половины зубов ему не составило никакого труда. С каким же удовольствием он вмазал ему между глаз, не обращая внимания на активно протестующую против такого наглого произвола Вовкину компанию, с которой тот курил на пустыре! Мысль о том, что этот прыщавый упырь мог пятью минутами ранее небрежно рассказывать своим дружкам о том, как имел Лолу, его Лолу, на родительской кровати, вызывала в Кирилле такую ярость, что никто не мог оттащить его от жертвы, которая уже хрипела и валилась навзничь, захлёбываясь кровью.

Народу тогда сбежалось – тьма.

-Сделайте же что-нибудь! – заорала какая-то женщина, - он же его убьёт! Ненормальный!

Кто-то вызывал стражей порядка, Кирилла тогда поставили на учёт в милиции, но по сути ничего не поменялось. Он как хотел Лолу, так и продолжал хотеть, и ничто не могло этого изменить - ни молчаливое материнское осуждение, ни хмурая неприязнь Лолиного отца, который, хочешь ни хочешь, постоянно маячил у Кирилла перед глазами, словно боясь оставить дочь наедине с «этим долбанутым». Он его так и называл после того случая.

А Лола? Она сначала, конечно, надулась, даже сделала вид, что больше не хочет с ним разговаривать, но уж слишком общительной и незлопамятной она была, чтобы лишиться себя лучшего на свете слушателя.

Она по-прежнему рассказывала о своих приключениях, а ему по-прежнему не оставалось ничего другого, как внимать. Ловить каждое слово, которое острой стрелой вылетало из её алого сладкого рта, мысленно представлять себя на месте каждого из её бесконечно меняющихся ухажёров, и сгорать от безнадёжной ревности к ним.

А потом появилась Светка. Признаться, честно, Кирилл её и заметил-то лишь потому, что отдалённо и неуловимо, она напоминала ему Лолу. Рослая, с быстрым смеющимся взглядом, с округлыми плечами и вечно побитыми коленками. Так же небрежно и легкомысленно относилась она к своему красивому телу, как и Лола, не берегла его. Идёт по университетскому коридору, и, заговорившись по мобильному телефону, может с размаха протаранить открывающуюся дверь в аудиторию. И смеётся, смеётся в трубку: «Ой, я снова саданулась, синяк будет».

На Кирилла она всегда поглядывала, Светка. Его высокий рост, нелюдимость, статность, сила, которая ощущалась в каждом движении, в каждом шаге, жутковатая тайна в его зелёных глазах... Она была готова отдаться ему сразу же, не раздумывая. Однако, богатый, несмотря на неполные 19 лет, опыт общения с парнями, научил её не сдавать так сразу и так просто свои сокровенные бастионы. Сначала полагалось немного поиграть с «жертвой», распалить её, довести до кипения, а уж потом...

-Никогда не каталась на спортивной тачке, подбросишь? – кокетливо интересовалась она, улыбаясь и, как будто невзначай ухватив Кирилла за руку.

-Рано тебе ещё кататься, - с лёгким презрением усмехался он и, развернувшись к ней спиной, равнодушно удалялся.

Такая непривычная со стороны парня реакция задевала её чрезвычайно. Всем, значит, она нравится, а этому качку – нет?! Этого Светка принять не могла, и в ход пошла тяжёлая артиллерия.

Нет, нельзя сказать, что Кирилл вовсе не замечал её игривых взглядов, её мини-юбок, которые с каждым днём становились всё короче и короче, её надуманных вопросов, которые должны были завести его, заставить думать о ней.

-Как ты относишься к групповому сексу, Кирилл? – невинно интересовалась она, хлопая своими прекрасными глазами, окаймлёнными чарующими, мастерски покрашенными ресницами, когда вся их компания собиралась у кого-нибудь из однокурсников на квартире.

-Ох, не знаю, как Кириллу, а мне нравится идея, - непременно встревал кто-то из парней, но Светка досадливо отмахивалась и игриво косилась на предмет своего вздыхания.

А тот, как обычно молчаливый, пожимал плечами и ровным счётом ничего не говорил.

Секс, в его общем понимании, мало интересовал парня. Вот секс с Лолой – другое дело, но он невозможен. Это вопрос, решённый уже давно, на небесах...

Однажды, на домашней вечеринке после удачно сданной сессии, у Светки всё-таки получилось обаять Кирилла до такой степени, что он не стал сопротивляться, когда она повлекла его за собой в одну из спален просторной квартиры. Он шёл за ней, ссутулившись и вжав голову в плечи, словно маленький мальчик, которого ведут наказывать. На секунду ему показалось, что секс с этой главной университетской красавицей излечит его от пагубной и маниакальной любви к Лоле.

Он практически не смотрел на Светку, когда она, одним быстрым движением опытной наездницы, села на него сверху и начала медленно двигаться взад-вперёд, лаская сама себя, и изливая на своего партнёра отчаянно-звонкие, многократно отрепетированные стоны. Она остро ощущала в себе его упругую мощь, его силу, но никак не могла понять, почему он по-прежнему так безучастен и молчалив. Уж в постели то она могла доводить парней до полнейшего безумия, но сегодня был явно не тот случай. Даже кончал он как-то тихо, бесстрастно, беззвучно. А она-то думала, что вырвет из его могучей красивой груди такие громовые аккорды, которые сотрясут воздух на многие километры вокруг.

-О чём ты всё время думаешь? – спросила она, через пару минут после их странного соития, облачиваясь на локоть и пытливо заглядывая ему в глаза, - у тебя есть кто-то?

-Нет, - поспешно ответил он и отвернулся.

«Ох, что-то тут нечисто», - с сомнением подумала тогда Светка. И была права, тысячу раз права.

Странно, но через какое-то время и Лола ему задала примерно тот же вопрос:

-У тебя кто-то появился?

Ему показалось, или в её тёмных глазах блеснул неуловимый ревнивый огонёк?

Перед Лолой Кирилл таиться не стал – всё-таки он тоже имел право и на свой первый секс, и на рассказ об этом нестандартном в жизни любого человека событии.

-Не очень - то тебе понравилось, - насмешливо хмыкнула она, выслушав его сбивчивый застенчивый рассказ, и поправляя перед зеркалом волосы.

Потом взяла пузырёк с жидкостью для снятия лака, намочила ею ватный диск, и начала методично оттирать ногти на ногах. Коротенький шёлковый халатик задрался, и Кирилл узрел её тонкое кружевное бельё. Почувствовав сильнейший приступ эрекции, он понял, что со Светкой не испытал и сотой доли тех эмоций, что мог бы испытать с Лолой.

Она перехватила его взгляд, и ни капли не смутилась.

-Знаешь, если бы мы не были кровными братом и сестрой по маме, я бы показала тебе, что такое настоящий секс, - неожиданно заявила она.

Затем встала с кресла, подошла к Кириллу вплотную и обхватила его разгорячённое лицо своими изящными ладошками. Он почувствовал на своей щеке её лёгкое дыхание - смесь запахов сладких фруктовых леденцов, которые она поедала тоннами, и крепкого чёрного чая.

Лолины глаза смотрели ласково, пухлые желанные губы пронзительно и насмешливо улыбались, и Кирилл окончательно и бесповоротно осознал: место этой ветреной красавицы в его душе уже никто и никогда не займёт.

Она – его мечта, его страсть, его земное чудо. Она – то, что человеку даётся всего один раз в жизни и ради чего этот самый человек совершает поступки, добивается чего – то, растёт над собой. Ему было двадцать, и он уже четыре года как ушёл из дома, где их общая с Лолой мать жила с её, Лолиным отцом.

За то время, пока Кирилл вёл самостоятельную жизнь, он успел стать мастером спорта по боксу, изучить несколько языков, получить (всё ещё будучи студентом), престижную работу в иностранной компании, объездить пол мира, заработать себе на спортивную тачку и квартиру в центре, обзавестись полезными связями и радужными профессиональными перспективами.

И всё это – ради неё, своей сестры. Ради той, которую никогда не сможет почувствовать своей....

-Кирилл, хочешь, давай разочек, а? – вдруг выпалила она, - пока родителей дома нет. Только, чур, в резинке, а то мало ли что.... Мы же родственники всё-таки. Ещё не хватало забеременеть от тебя, братишка...

Она сказала это с такой кристальной, такой невинной непосредственностью, что до Кирилла не сразу дошёл смысл её слов. Потом, когда они осели в его звенящей очумевшей голове, он решительно принял их за шутку. Однако, когда Лола села ему на колени, прямо на вздыбленный под тонкими летними джинсами пенис, Кирилл понял, что сестра была серьёзна, как никогда.

Она глядела на него уже без той игривой улыбки, которая блуждала на её мягких губах ещё совсем недавно...

Лолин тонкий пальчик заскользил по мочке его уха. Девушка привычным движением стремительно высвободила свою маленькую грудь из плена узорного лифчика и всем телом наклонилась к Кириллу. Затем, увидев его оторопь, быстро взяла за руки, и хлётко припечатала их о свою грудь. Поддавшись невыносимо сильному порыву, он потянулся к ней ртом, и, захватив губами маленький, сладковатый на вкус сосок, чуть ли не кончил в это же самое мгновение. Вдруг, сквозь пелену нестерпимого вожделения пробрался голос, откуда-то извне.

«Ты должен уйти», - безапелляционно приказал Голос, - «если любишь её, ты должен уйти. Ни тебе, ни твоей сестре после такого уже не жить спокойно. Оставь хоть ей шанс на нормальное будущее».

-Я всегда любила лишь тебя, Кир, - вдруг бархатным срывающимся голосом произнесла Лола и тихонько застонала, - ты всегда был идеалом для меня, самым желанным парнем на свете. Я только сейчас это поняла, слышишь?

Она провела рукой по волосам Кирилла, и, оторвав от своей груди, испытующе посмотрела ему в глаза. Её взгляд был наполнен такой безысходностью, таким ужасом, что у него внутри всё оборвалось и сразу в голове прояснилось. Вопросы «что делать дальше?» уже не было, он исчез, растворился, погас, в искрящемся костре истины единственно правильного решения. Нечеловеческим усилием воли он прервал непредумышленные, неистовые, почти конвульсивные движения бёдрами, находящимися прямо под Лолой, резко вскочил, оттолкнув её прочь, но затем спохватился и притянул за плечи к себе.

-Кто-то один, понимаешь? – выпалил он ей прямо в изумлённое лицо, - кому-то сейчас придётся уйти. И это буду я.

-Что ты имеешь..., - изумлённо начала она, заторможено улавливая суть сказанного братом, но он уже стремительно нёсся прочь из квартиры, где провёл всё своё детство и где понял, что в его жизни есть лишь одна-единственная женщина – его родная сестра.

Именно в этом доме он наблюдал, как смешная глазастенькая девочка с милыми ямочками на круглых розовых щёчках, превращается в прелестную, соблазнительную нимфу, а её формы приобретают истинно женскую статью, коварную, чувственную, опасную, как сама любовь. Как страсть. Как стихия.

Он бежал вниз по лестнице, судорожно нащупывая в кармане до сих пор тесных ему из-за сильной эрекции джинсов, ключи от своей спортивной красной тачки.

Подальше, подальше отсюда, из этого дома... От этой любви, и от этой женщины, которую, по эгоистичной, причудливой и странной прихоти, судьба сделала его сестрой.

Мотор завёлся вполоборота, послышался рёв двигателя, машина рванула с места, чуть не сбив собаку неопределённой породы, едва успевшую заскочить на мокрый от дождя тротуар.

О чём думал Кирилл, когда нёсся по вечернему городу в неясном для себя направлении? Теперь уже не понять, нет чёрного ящика его последних ночных помыслов, не сохранился он, сгорел...

Мимо пролетали дома, автобусные и трамвайные остановки, рекламные щиты с нарядно мерцающими надписями. Затем, Москва медленно уступила место загороду, а многоэтажки сменялись приземистыми деревенскими домиками, хаотично разбросанными вдоль холмов. Он увидел реку, узенькую, извилистую, поросшую вязкой зелёной травой, бегущую прямо под мостом, который он проезжал на дьявольской скорости.

«Последнее пристанище», - должно быть, пронеслось у него в голове за секунду до того, как лакированный красный бампер его дорогой машины протаранил железное ограждение и со всего маху врезался в огромный бетонный блок, положенный рабочими, осуществлявшими дорожные работы на том роковом участке.

Разлетелись и взмыли ввысь обломки искорёженной машины, которую размолото на мелкие острые атомы, разорвало на лёгкие невесомые кусочки, как и его, Кирилла – такого потерявшегося и безнадёжно влюблённого.... Что он чувствовал в тот миг, когда произошёл тот роковой удар о вечность? Успел ли почувствовать что-то ещё, кроме адской, нечеловеческой боли? Облегчение, например? Ведь он теперь не должен прятать свои чувства ото всех, включая себя... Радость? Ведь теперь-то он не совершает ничего мерзкого, противоестественного, грязного, подлого... И незачем Лолиному отцу ненавидеть его теперь.

Успел ли Кирилл понять, что он наконец-то свободен от своего запретного райского сада, который прятал он всю свою короткую жизнь в карманах тесных брюк?

Когда на место трагедии попали первые очевидцы, они были поражены. В полном изумлении были выдавшие виды сотрудники дорожной инспекции и медики, прибывшие на помощь.

От красной спортивной машины буквально ничего не осталось, кроме, пожалуй, багажника. Человек внутри был словно процежен сквозь мелкое сито, один лишь запёкшийся красный вязкий сок, да микроскопические клочья одежды – вот и всё, что могли увидеть, различить, расшифровать...

В паре километров от того места есть пост ГИБДД. Там стоят покорёженные автомобили, которые свозят с мест страшных аварий, произошедших в этом

районе. Какие-то машины забирают сразу, а какие то, со временем, за отсутствием владельца, просто отправляют на государственные стоянки.

Этот красный покорёженный багажник с прислоненными к нему останками бывшего спортивного роскошества, довольно долго мозолил глаза проезжающим мимо людям, которые, в большинстве своём, равнодушными остаться не могли. Через какое-то время остов переместился на свалку и там был благополучно сожжён.

Никто из семьи Кирилла так никогда и не побывал на том месте. Все – по разным причинам. Мать после страшной трагедии слегла, начала обвинять во всём случившемся себя, и вскоре её похоронили на Котляковском. Отец Лолы крепко запил, но вид продолжал иметь бодрый, даже боевой. С дочерью общался редко и не считал нужным прятать сильную, возрастающую с каждым днём неприязнь.

А Лола, что с ней?

Она вышла замуж, довольно скоро после трагедии. За какого-то то ли американского, то ли французского спортсмена, не слишком-то посвящённого в события минувшего времени.

Лола – девушка лёгкая и о плохом старается не вспоминать. К тому же, она беременна, и волноваться ей не стоит.

По-моему, ждут мальчика.

Хотят назвать Кириллом.